

За неделю до начала летних каникул Жвачка спросила:

— Хочешь. Хочешь придти в гости поиграть? Ко мне. Эм, в кафе моих родителей. Тебе нужно будет спросить разрешения у своих родителей, конечно, но мои уже сказали "да", и Ино тоже придёт, и... И там будет торт и сок, и шоколадное молоко!

Она поспешно выпалила всё это на одном дыхании, становясь всё писклявей и писклявей по мере того, как у неё заканчивался воздух. К счастью, у Курамы было много практики в расшифровке набегающих друг на друга фраз. К несчастью, Жвачка говорила очень, очень быстро. Он моргнул.

Поверх плеча Жвачки Яманака скорчила гримасу, которая намекала на наличие у неё запора, и одними губами проговорила: "Ответ — да".

Шёл обед, и погода сейчас была достаточно хорошей, чтобы есть на улице. Они сидели в тени цветущего кизила, на границе двора Академии. На лице Жвачки читалась искренняя нервозность, её пальцы сжимали розовые палочки для еды.

Курама разобрал только что-то о родителях и разрешении. Ещё торт? Прохладительные напитки? У него не было родителей. Человек-Обезьяна и Щенок были нежеланным надзирателем и вьючным ослом соответственно.

— Прошу прощения?

Губа Жвачки задрожала; одновременно неожиданно усилился запор Яманаки.

— Она приглашает тебя в гости как друга, — сказала Яманака тяжёлым тоном. Она добавила одними губами: "И у тебя нет родителей, так что ответ — да."

Курама посмотрел на Жвачку, перефразировал выпаленный ей поток слов и неразборчиво звучащих гласных и, чувствуя себя снисходительно, сказал:

— Хах. Конечно, ладно.

— ...Правда? — спросила Жвачка, стремительно моргая.

Курама изучил её взглядом.

— ...Ты хочешь чтобы я сказал "нет"?

Но прежде чем он успел закончить это предложение, Жвачка воскликнула:

— Нет! — её руки замелькали в воздухе, а потом она улыбнулась во все щёки, широко и глупо, и это было тревожно похоже на то, что у неё случился сдержанный приступ судорог от радости. — Нет-нет-нет! Это замечательно! Великолепно! Это... Эм... Первые выходные после начала каникул. И мой адрес...

Курама наблюдал, ошеломлённый, но позабавленный, как она порылась в своих карманах — вся переполненная суматошной энергией — достала карандаш и блестящий розовый блокнот, и поспешно начирикала что-то внутри. Она вырвала страницу:

— Держи!

— Ладно, — повторил Курама и убрал страницу в свой карман.

"Снисходительное" было действительно лучшим описанием настроения Курамы. Последние несколько дней в Академии были, по сути, балаганом — учителя сдались и прекратили попытки утихомирить своих сопляков, очарование летних каникул было столь близко, что его можно было попробовать на вкус, и дни состояли в основном из долгой дремы на улице под ленивыми лучами солнца, пока отродье и его соплячья банда разрушали всё вокруг. Трава зеленела, небо было васильково-голубым, температура в эти две недели была тёплой, но не обжигающей. Тележки с дроблёным льдом выстроились в ряды на улицах. Курама позволил себе быть протасканным через мусор в поисках купонов на рамен, поучаствовал в двух отродьевых розыгрышах, не потеряв ни капли хорошего настроения — превращение лиц Сенджу Хаширамы и Намиказе в уродливых гейш, на самом деле, крайне успокаивало — и даже умудрился вести себя любезно с мелким Учихой и, до определённой степени, Учихой Микото за их следующим совместным ужином. В основе этой радости было знание того, что он мог. Он мог разрушить всё. Он мог уйти, и вскоре никогда не видеть Учиху Микото снова. Он мог разрушить эту деревню и превратить Человека-Обезьяну и его дурацкую шляпу в кучку дымящегося пепла. У него были оба ключа. Он мог.

Это было крайне освежающе. Курама позволил Щенку роскошь ношения себя на спине и погладил его пушистые-пушистые волосы.

Он отправился к Жвачке в субботу после обеда.

Кураму очень давно никуда не приглашали, и эти случаи состояли из величественных храмов, фестивалей, проводимых исключительно в его честь, саке, еды и танцев, длящихся неделями. Разумеется, переработанного сахара тогда не существовало, и у Курамы всё равно не было вкусовых рецепторов. Жвачке было шесть. Курама великодушно посчитал, что главным было её намерение.

Кафе стояло на границе между гражданским и ниндзя районами, прижавшись чуть ближе к

гражданской стороне, чем к принадлежащей ниндзя. Оно было маленьким, но современным, и Жвачка сидела вместе с Яманакой на лавочке под навесом, попивая шипучий чай.

Её обутые в сандалии ноги отскочили от скамьи, когда Курама повернул за угол.

— Менма-кун! — помахала она, широко улыбаясь.

— Харуно, — сказал он Жвачке.

Яманака кинула ему нераспечатанный пакетик с шипучим чаем. Отлично, они думали об одном и том же.

Внутри кафе было полно почти до краёв. Маленькие, аккуратно расставленные столики были забиты людьми, едящими пирожные и читающими газеты. Жвачка провела их за стойку, где Курама немедленно оказался в центре внимания блондинки, являвшейся матерью Жвачки, которая приостановила свои подсчёты на кассе, чтобы бросить на Кураму долгий взгляд, который тот проигнорировал.

— Здравствуйте, мэм, — сказал он абсолютно вежливым тоном.

Он не был вежливее, наверное, полтора столетия. У Человека-Обезьяны случился бы сердечный приступ. Учитывая, что этот человек будет тем, кто сделает большую часть десертов Курамы в ближайшие несколько часов (и тем, кто сделает все десерты, которые Курама получит от Жвачки), он считал, что упражнение в этикете было, пожалуй, заслуженным.

У Курамы были прекрасные манеры. Они просто очень, очень заржавели. И редко применялись.

Яманака приподняла бровь, когда мать Жвачки наконец ушла обратно к кассе, оставляя Кураму следовать за Жвачкой на кухню. Он пожал плечами в ответ. Взяв три миски молотого льда и передав Яманаке тарелку с нарезанным арбузом, Жвачка погнала их на второй этаж.

Курама не очень хорошо представлял, какие именно активности эта встреча собиралась в себя включать, но, что тут сказать, он жил с шестилеткой. Они час смотрели телевизор, что было скучно, но у него был молотый лёд и принадлежащий Жвачке запас клубничных палочек Роску, чтобы себя развлечь. После этого они собрали паровозик заплетания волос. Яманака заплела волосы Жвачки, а Жвачка попыталась заплести Курамыны. Потом Яманака вытряхнула целый ящик лака для ногтей из своей сумочки, объявила, что все должны иметь накрашенные ногти, и попыталась найти цвет, который не контрастировал бы с а) футболкой Курамы, б) его волосами. Они поели жареного угря с огурцом и рисом на ужин и фисташковые кексы на десерт, а потом читали принадлежащую Жвачке книгу по оригами.

Это был отличный день.

Когда он вернулся обратно в свою квартиру, отродье развалилось на диване и, прищурившись, смотрело в книгу.

— Ты читаешь? — требовательно спросил Курама, моргнув, с полуснятым ботинком и коробкой сакура-моти, которые Жвачка вручила ему, удерживаемой подмышкой. Не то чтобы отродье было неспособно к чтению, но ему больше нравилось слушать, чем разбирать кандзи и хирагану самому. — Что ты читаешь?

— Рама, ты вернулся! Э. Обезьяний парень. Путешествие на Запад. Оно клёвое. Но тяжёлое.

Курама снял другой ботинок.

— Хах, — подумать только, это могло быть признаком того, что отродье наконец-то начало развивать какой-то литературный вкус. Отродье перевернуло страницу и скорчило рожу. Оно перевернулось.

— Рама...

— Ладно, хорошо, погоди минуту, — сказал Курама.

Сегодня был хороший день, замечательный день, и он был щедр, немного в тумане и ошеломительно весел — словно кто-то налил сладкой газировки ему в кровь. В этот момент, вероятно, его настроение бы не ухудшилось, даже если бы его заставили собирать лопатой мусор (он мог прихлопнуть любого, кто думал, что может его заставить). А отродье, в конце концов, не пыталось уговорить его прочитать библиографию Намиказе. "Путешествие на Запад" было хорошей книгой. Отродье и литературный вкус — кто знал, что эта комбинация существует?

В первую очередь, впрочем, Кураме нужно было положить эти прекрасные моти в холодильник.

Отродье освободило немного места на диване, и книга оказалась где-то между двух подушек. Это была сокращённая, упрощённая, детская версия, и потому на её чтение не понадобилось слишком много времени. Ночь ещё только начиналась к тому моменту, как была перевернута последняя страница — едва занявшийся закат, горизонт, заключённый в скобки розового света, пока отродье рылось в своём рюкзаке, бормоча что-то о следующей в серии. Оно перевернуло рюкзак вверх ногами. Выпало три комикса и ничего больше.

— О-о, блин, — сказало оно и посмотрело на свои комиксы грустными глазами. — Эй, Рама, Рама, ты же уже читал историю, да? Помнишь, что там дальше происходит?

— Очевидно.

Но пересказывать историю было совсем не то же самое, что и читать её, совсем не то. К тому же, курамино "Путешествие на Запад" отличалось от отродьевой версии.

— Ты можешь подождать и достать остаток книги позже, — сказал он, и отродье издало протестующий восклик. Закатив глаза, Курама щёлкнул отродье по лбу. И, пожалуй, это всё было из-за этого дня — всё было как-то сглажено. Или, возможно, дело было в трёх мисках молотого льда и пяти квадратных кексах, и несчётном множестве клубничных палочек, но Курама чувствовал себя расслабленным, лёгким, а пребывание в своей коже почти комфортным.

— Угх, не дуйся, — сказал он. Солнце снаружи заставляло весь мир полыхать розовым огнём, и это тоже заставило разжаться что-то у него внутри, вызывая ностальгию. — Я расскажу тебе историю — другую. Я знаю более интересные истории, чем эта. Ты знал, что "Путешествие на Запад" вторично, ты, исчадие ада? Я уверяю тебя, что эта обезьяна участвовала больше чем только в этом приключении.

Курама знал слишком многие из этих "приключений" — кавычки абсолютно точно включены — потому что Сон был совершенно невыносимым ублюдком. По крайней мере, некоторые из них были хорошим материалом для шантажа.

— Там есть принцессы? — потребовало отродье.

Принцессы?

— Возможно. Он обычно не склонялся к этим делам. Но, ладно, давай начнём с принцесс. Я помню... — тот раз, когда они собрались вчетвером, с полуотключившимся Шукаку и полной иронии Мататаби. Курама откинулся на диване, пытаясь собрать вместе детали дня. Слова соскользнули на его язык почти неестественно быстро. — Ну, ты уже знаешь о Соне, разумеется. Обезьяна Сон Гоку, трюкач, шутник, иногда вор. И много-много лет назад, в стране, что не так далеко отсюда, он и ублюдочный тануки пересекали пустыню...

Он не чувствовал боли. Он не чувствовал почти ничего — именно такими и должны были быть разговоры о его дерьмоголовых братьях и сёстрах. Словно закат и рассвет, этот маленький кусочек радости повторялся снова и снова, пока не превратился в обыденность.

Отродье со своей группой любили собираться у мелких изгибов реки Нака. Курама, хотя и предпочитал комфорт библиотеки, прекрасного кондиционера в кафе Жвачки или своей квартиры, не был равнодушен к тени, предоставляемой ивами у берегов Наки. Хотя он по-прежнему был куда более неравнодушен к помещениям, разумеется. Солнечным ожогам не должно было позволено существовать и точка, и безумная громкость, с которой компания отродья любила кричать, кидаясь грязью или пытаясь загарпунить рыбу, вызывала мигрень. Курама нечасто приходил к Наке. Яманака и Жвачка и того реже. На самом деле, из того, что знал Курама, они приходили только единожды, потому что этот единственный раз закончился тем, что Яманака ударила Щенка-номер-два и отродье по лицу. Что-то о пчёлах и кексах. Курамы там не было. Учитывая то, что список вещей, которые отродье могло совершить, чтобы заслужить удар, был почти бесконечным, всё это было не особенно удивительно.

Яманака была недовольна.

— Мальчики, — сказала она, презрительно и ядовито, пища свою домашнюю работу.

Они находились в её семейном цветочном магазине, сидя на огромных перевёрнутых цветочных горшках. Воздух пах землёй и растениями, с прерывистыми вспышками цветов, добавляющими цвета. Курама счёл, что ему это весьма нравилось — здесь ощущалось и пахло как в сердце джунглей Чомея, с безумной расцветкой и вьющимися лианами, и огромными цветами. Яманака Иноичи причинял беспокойство — потенциал способностей Яманака по работе с разумом причинял беспокойство — но, разумеется, к крайней радости Курамы, стирание его в порошок было более чем в его силах.

Курама пожал плечами, сося леденец. Он или выкинул, или сделал домашнюю работу меньше чем за четыре часа. Теперь он снова читал теорию арифметики.

— По сути.

Жвачка и Яманака были приличной компанией. Им, конечно, было по шесть лет, что создавало катастрофическую нехватку интеллекта в их головах (и делало их склонными к непостижимому, бессмысленному поведению шестилетних детей), но если судить только по возрасту, то его всем катастрофически не хватало. Они, по крайней мере, понимали нужду Кураму в пирожных, и Курама был весьма доволен своим новым убежищем, которое представляло из себя кафе Жвачки, и где подавали примерно десять различных видов переслащенного чая и дюжину изысканных закусок, которыми он мог набивать живот. Библиотека всё ещё была самой большой и тихой. Квартира всё ещё была ближе всего. Кафе Жвачки, впрочем, было новым скрытым закутком для чтения, что было великолепно, потому что кроме сладостей Курама больше всего любил чтение. Сама Жвачка была раздражающей, но терпимой — с тем настроением, в котором он был последнее время, большинство вещей были более озадачивающими, чем действительно раздражающими — со своими слишком розовыми волосами и периодическими попытками цитировать учебники. Когда Курамыны регулярные занятия выпечкой стали достоянием общественности, она с крайним восторгом попыталась научить его шести разным рецептам одновременно.

— Ботаны, — сказала Яманака, закатив глаза, но всё равно пошла доставать ингредиенты для

каждого из рецептов.

Они сделали слоёное печенье, и фисташковые кексы, которые Курама был решительно намерен украсть, данго и блинчики с начинкой из фруктов и шоколадного сиропа. Никто из них не был достаточно высок, чтобы достать до кухонного стола (Курама был даже ниже, чем Жвачка, что? — честное слово), так что Жвачке пришлось достать стулья, чтобы на них стоять. Она щебетала кулинарные советы, пока Курама смешивал: о лучших способах заставить тесто подняться, сделать коржи сочными, и эффектах разведения молока напополам водой. И Курама осознал, смывая муку со своих рук и ожидая, пока в духовке испечётся банановый хлеб, что он начал к ней привязываться.

Жвачка говорила:

— Мы сможем съесть его с вишнёвым чаем и шоколадным соусом с прошлого раза — получится лучше всего.

— Ты сказала то же самое о прошлых трёх рецептах, — отметил Курама и замер.

Она оторвалась от духовки и завершила:

— Этот правда будет лучше всех, — судя по виду, пребывая в невероятном экстазе от мыслей от шоколадном соусе и банановом хлебе. Её щека была запачкана мукой.

Это не было неожиданным и стремительным, словно удар молнии, откровением. Это было медленным узнаванием, становящимся всё более и более близким со временем, укладывающимся, словно туман или что-то столь же неостановимое. Курама стоял на крошечной кухне Жвачки на втором этаже и знал, где висит фартук, и где хранится молоко, и что Жвачка напевала глупые, дурацкие детские мелодии, когда взбивала яйца. Он знал подобные факты о ней: что она хорошо читала, но имела плохое произношение — она немного шепелявила — любила гвоздики и, на самом деле, не любила цветы сакуры, хотела стать Яманакой, когда вырастет, и всегда клала две ложки сахара в свой чай. Ей было шесть лет от роду, она была совсем маленькой и имела странную привычку бросания в его сторону до безумия слишком широких улыбок. И он собирался её убить, как же иначе.

Она была частью деревни. И не то чтобы Курама мог просто... не разрушать деревню. Она умрёт во время этого. Процесса. Умрёт. Дети не переживают ядовитый наплыв кураминой чакры. А ей было шесть лет от роду, и она училась, чтобы стать ниндзя, но прямо сейчас она была примерно на девяносто восемь процентов пекарем, и не имела со всем этим никаких дел — не как Щенок или Человек-Обезьяна. И, по идее, там должна была стоять стена — между Жвачкой и Курамой, между Курамой и проклятой деревней.

И Жвачка говорила:

— У нас всё ещё есть творожная начинка со вчерашнего дня, как, по-твоему, он будет таким же

вкусным, как варенье?

— Нет, — сказал Курама. Он закрыл кран.

— Правда? Она слишком горькая?

Не то чтобы он мог... что? Выкинуть её из деревни? Убедить её переехать в Чай?

Каким-то чудом Курама остался ещё на полчаса. Когда он ушёл, выскользнул в июльскую жару, Жвачка всё ещё напевала мелодии из телевизора позади него.

Покрытые грязью дороги. Запахи рынка. Звуки рынка. Здания, построенные из дерева, кирпича и черепицы. Где-то там Лапшичник, вероятно, готовился к обеденному наплыву людей. Курама выбросил эту мысль из головы так быстро, как она там появилась, яростно хмурясь.

Он обратился чувствами к кушининой печати и подумал: "Просто, так, так просто."

Деревня по-прежнему была деревней; люди, пыльные дороги и сигнатуры чакры, и желание увидеть, как она разваливается на обломки и руины было словно фотография, приколотая к задней части кураминых глаз. Просто — Жвачка. Там должна стоять стена, но он — сломал её сам, оседлав эту волну снисходительности, головокружительной радости и беззаботной свободы — и он — даже и не заметил, как эта стена разрушилась. Теперь там, где должна была стоять эта граница, были лишь воздух и пустое место, и это так не работало, у него не было времени и сил всё это обдумать.

В итоге он пришёл на дурацкую каменную голову ублюдка Намиказе, мстительно топая по глупо торчащей пряди каменных волос, ходя кругами и пытаясь поймать хвост этой дилеммы снова и снова.

К нему не пришло ни единого ответа.

Это всё было глупо. Глупая проблема. Глупая, абсурдная ситуация.

Курама походил ещё немного, не пришёл ни к какому заключению и к наступлению ночи добился только состояния злой ярости, которая приглушила его моральные дилеммы, но не помогала решить проблему; а ещё не была ни сильно зрелой, ни сколько-либо продуктивной. Ему было плевать. Он бросил яростный взгляд на трещины в глупой каменной голове Намиказе и пнул каменную прядь. Накопленный гнев упростил проблему до: нахуй Намиказе, Кушину, Учиху, блять, Мадару, в таком порядке, что было хорошо и здорово, но опять же, не особенно помогало.

Ар-р-ргх.

В полдвенадцатого, когда Курама вернулся обратно в квартиру, отродье уже спало, распластавшись, словно морская звезда, на половину кровати, прижавшись щекой с подушке и с присвистом храпя, со слюной, капающей с подбородка. Оно не дёрнулось, когда Курама сел рядом с ним, проминая матрас. Лунный свет окрашивал его волосы в бледно-пепельный цвет. На воротнике его футболки виднелось пятно.

В темноте, в ночи Курама мог почувствовать пульс своей собственной чакры, словно сердцебиение, красный и свивающийся в фиолетовый вместе с отродьевым голубым — словно лужа. Он наблюдал за тем, как вздымалась и опускалась грудь отродья, и положил руку на отродьево тонкое, детское горло, на тонкую кожу, нежную мембрану, ритмичный поток крови. Когда-то давно, годы и годы назад, этой первой октябрьской ночью, когда он был пойман в ловушку, беспомощный, он думал о том, чтобы проделать то же самое, думал о том, чтобы потянуться зубами и вырвать трахею этого проклятого мальчишки, этого наследия со свободой Курамы, висящей на его шее.

Сейчас это было бы так просто. Отродье никогда даже попыталось бы сопротивляться, эти семь лет спустя. Но теперь всё было иначе — теперь свобода Курамы наконец-то снова принадлежала ему самому.

И его Отец сказал ему однажды: "Дети не должны быть отягощены наследиями своих предков", словно это было так просто, словно этот мир был достаточно добр, чтобы оставить их пустыми холстами.

Всё никогда не было так просто.

Разве оно могло? Всё было вложено в эту культуру: этот груз, это проклятье, эта кровь, война и траншеи. Они пытались, Курама и его братья и сёстры. Возможно, что они пытались недостаточно сильно, но они пытались, а мир взял их и скрутил их кровь, воздух и кости. У Курамы был долг; у него была семья и братья с сестрами, и земля крутила чакру, которая не могла управлять сама собой, и единственным, что люди, по всей видимости, порождали за всю свою историю, была только война и ещё больше войны. Оно было вложено в них, это проклятье, и никто из них не был исключением — ни Жвачка, ни Яманака, ни Узумаки Наруто. Курама ненавидел его и ненавидел — вечно создающий проблемы ебучий магнит для Учих — и Курама, возможно, любил его — семь лет совместного существования, совместно проводимого времени, этого глупого, глупого мальчика, кто думал, что лапша, дружба и Курама могут исправить любую проблему в мире. Но это не продлится долго, оно никак не могло. Люди росли, чтобы следовать по стопам своих предков.

И возможно, что оно было к лучшему, что отродье не проживёт достаточно долго, чтобы потерять веру в чудеса.

Курама поднял руку от горла отродья, чтобы легонько, словно пёрышко, коснуться отметок на

отродьевой щеке. Оно дёрнулось и пробормотало:

— Рама?

— Спи дальше, — сказал Курама.

Он сел на край кровати, глядя на то, как отродье поворачивается, как сдвигаются одеяла, как выравнивается отродьево дыхание, и чувствовал, как пролетают часы.

<http://tl.rulate.ru/book/58665/1503035>